

Глава 1

БИТВА НЕСОСТОЯВШИХСЯ «БОНАПАРТОВ»

В феврале 1918 г. четырехтысячная Добровольческая армия под командованием контрреволюционного генерала Корнилова выступила в поход на Кубань, раздираемую на части белоказачьими и большевистскими отрядами. Этот поход вошел в историю под названием «Ледяного» и впоследствии в эмигрантской литературе превратился в своеобразную легенду — образец чистоты и жертвенности Белого дела. С другой стороны, как следует из его названия, «Ледяной поход оказался для его участников-добровольцев настоящим чистилищем: сквозь морозы и метели, утопая в грязи, с непрерывными боями, с гимном «Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет...» они шли вперед, к победе... Конечным пунктом этого марша стал Екатеринодар, уже перешедший в руки Северо-Кавказской Красной армии во главе с бывшим сотником Автономовым.

КОРНИЛОВ

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 г. в станице Каркаралинская в семье отставного хорунжего. Окончив по месту жительства приходскую школу, тринадцатилетний отрок с большим трудом сдал экзамен в Сибирский кадетский корпус (в Омске). Пробелы в образовании юноша ликвидировал при помощи упорных занятий, благодаря чему закончил военно-учебное заведение в 1889 г. первым учеником на курсе. Вскоре его как наиболее спо-

собного из кадет определили в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Уже здесь Корнилов явно выделялся среди сокурсников своими радикальными взглядами и вскоре стал вожаком юнкеров. Конфликт с одним из преподавателей грозил ему отчислением, от которого Лавра спасло лишь покровительство начальника училища.

В 1892 г. Корнилов получил звание подпоручика и был направлен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Через три года молодой офицер блестяще сдал экзамены в Академию Генерального штаба, которую закончил в 1898 г. с серебряной медалью. Он возвратился в Среднюю Азию и служил штабным офицером Туркестанского военного округа. С 1901 г. командовал 4-й линейной бригадой на границе Бухарского эмирата и Афганистана. Русско-японская война застала его в Главном штабе. Лавр Георгиевич участвовал в сражениях при Сандепу, под Мукденом и Телином. В феврале 1905 г. 1-я стрелковая бригада была окружена около местечка Вазые. Положение спас начштаба бригады Корнилов: возглавив ночную атаку, он с тремя полками и ранеными вырвался из окружения. За этот подвиг он получил первую награду — орден Св. Георгия 4-й степени, а также звание полковника.

В 1907—1911 гг. Лавр Георгиевич занимал должность военного атташе в Китае. Вернувшись на Родину, он командовал Эстляндским пехотным полком под Варшавой, затем получил новое назначение в Заамурский пограничный округ на должность начальника отряда пограничной стражи. Однако вскоре из-за столкновения с будущим премьер-министром В. Коковцевым, курировавшим в то время пограничную стражу, подал рапорт о переводе в армию. Генерал-майора Корнилова переводят во Владивосток, где он исполнял обязанности командира 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

С августа 1914 г. во главе 48-й пехотной дивизии Лавр Георгиевич участвовал в боях под Львовом и за проявленную доблесть получил звание генерал-лейтенанта. Тем не менее из-за больших потерь в дивизии командарм А. А. Брусилов был недоволен действиями своего подчиненного. Осе-

нюю отряды Корнилова прорвали укрепления австро-венгров. Преследование противника было продолжено уже на западных склонах Карпат, но здесь дивизия попала в окружение. С тяжелыми боями, потеряв всю артиллерию и часть обоза, Лавр Георгиевич все же сумел пробиться к своим. Однако урок не пошел впрок: в апреле 1915 г. неприятель опять запер горячего комдива на высоте с характерным названием Хирова-гора. Штаб во главе с раненым Корниловым кинул остатки дивизии на произвол судьбы и, проплутав по лесистым карпатским горам, в конце концов сдался австрийцам. Удивительно, но главнокомандующий Юго-Западного фронта счел действия командира дивизии достойными награды и представил его к очередному Георгию. Между тем австрийцы держали пленного генерала сначала в замке Нейгенбах близ Вены, а затем перевели в Венгрию. Первая из предпринятых Корниловым попыток побега не удалась — подкупленный кастелян замка доложил о ней охране. Видимо, этот факт вызвал у нашего героя нервное расстройство, и его перевели в военный госпиталь. Оттуда ему все же удалось скрыться, переодевшись в форму австрийского солдата. Через румынскую границу он вернулся в Россию.

Побег генерала из плена был первым подобным случаем за всю войну. Лавр Георгиевич превратился в национального героя. Николай II принял его в своей Ставке в Могилеве и наградил Георгиевским крестом за храбрость. Портреты Корнилова и интервью с ним мелькали на полосах центральных газет и журналов. Осенью 1916 г. он был вновь отправлен на фронт командовать 25-м пехотным корпусом. Головокружительная карьера уже создавшего себе рекламу генерала продолжилась и после Февральской революции. 2 марта 1917 г. глава Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко назначил Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа. Наш герой приветствовал новую власть, тут же заявив, что надеется на победоносное завершение войны обновленной армией. 7 марта он арестовывал по приказу Временного правительства царскую семью. Во

время апрельского кризиса Корнилов предлагал разогнать антивоенные демонстрации силой. Однако распоряжения командующего округом были саботированы собранием солдат и офицеров. После этого главнокомандующий столичного округа стал просить о возвращении в действующую армию.

Запрашиваемый пост командующего Северным фронтом он не получил, но возглавил 8-ю армию Юго-Западного фронта. Во время так называемого наступления Керенского (июнь 1917 г.) войска Корнилова овладели городами Галич и Калуш, взяли 10 тысяч австрийцев пленными и более 100 орудий. 27 июня Лавр Георгиевич был произведен в генералы от инфантерии (т.е. полный генерал), а 7 июля назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта.

На следующий день Корнилов отправил телеграмму на имя военного министра и главы правительства Керенского, в которой указал на необходимость наведения порядка в армии и, в первую очередь, введения смертной казни и учреждения революционно-полевых судов. Керенский незамедлительно ответил: «Приказываю остановить отступление... всеми мерами». Начались расстрелы дезертиров, были запрещены митинги и ввоз в армию большевистской литературы и газет. Несмотря на то что телеграммы носили секретный характер, их опубликовала газета «Русское слово». У читающей публики складывалось впечатление, что Корнилов хотел навести порядок, а правительство ему в этом препятствовало. За пару недель вокруг генерала сложился имидж спасителя страны, со всей России в Ставку командующего фронтом пошел поток поздравлений. Уязвленный Керенский потребовал отдать под суд людей, предавших огласке документ, но было уже поздно.

В своих требованиях «спаситель страны» пошел еще дальше, отметив в следующей телеграмме необходимость одновременно с репрессиями принять меры «к оздоровлению и омоложению офицерского командного состава», а также упразднить комиссаров и солдатские комитеты.

19 июля Лавр Георгиевич был назначен верховным главнокомандующим. Первым из условий, на которых он принял столь высокий пост, была «ответственность перед собственной совестью и всем народом», а вскоре «Русское слово» напечатало полный перечень «Условий генерала Корнилова», уже откровенно попахивающих диктатурой. Власть Временного правительства Корнилов считал губительной для России, из-за чего не раз вступал в дебаты с Керенским. Но последний никак не желал уходить со своего поста, и, более того, позволял себе высокомерный тон в разговоре с генералами. Нужно ли говорить, что такая манера общения отнюдь не поднимала авторитет Керенского среди высших офицеров. Отношения между главноверхом и главой правительства начали резко портиться.

От слов обе стороны перешли к действиям: Корнилов отдал приказ стянуть к Петрограду верные ему войска (3-й конный корпус, 5-ю Кавказскую «дикую» дивизию и т. д.), а Керенский начал «чистку» военного ведомства, где, по его мнению, засело слишком много противников Временного правительства. Министр-председатель уже всерьез подумывал о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего. Лавр Георгиевич, узнав об этом, явился в Зимний дворец с отрядом солдат и пригрозил Керенскому вооруженным восстанием в случае его смещения. Корнилов не терял времени даром: он вел переговоры с представителями правых сил и предпринимателями, заручился поддержкой Союза казачьих войск и Союза георгиевских кавалеров. На государственном совещании в Москве борьба за власть разгорелась с новой силой: «бешеной» агитации за Корнилова не уступала речь Керенского о священности воли и власти Временного правительства в армии. К, казалось бы, логичному примирению и сплочению не привели ни успехи немцев в Прибалтике (и как следствие — прямая угроза Петрограду), ни резкое усиление позиций большевиков.

26 августа потерявший терпение Корнилов потребовал от Керенского роспуска правительства и передачи всей

власти верховному главнокомандующему. Министр-председатель отказался выполнить эти условия и приказал генералу явиться в Петроград для объяснений. Последовал обмен телеграммами со взаимными обвинениями в предательстве. Мятеж главковерха оказался быстро подавлен совместными действиями социалистических партий и верных правительству войск. Корнилов был смещен со своего поста, арестован и посажен в тюрьму города Быхова. Та же участь постигла и сочувствующих ему командиров фронтов и армий. В тюрьме Лавр Георгиевич не сидел сложа руки, составив «Быховскую программу», предполагавшую созыв Учредительного собрания и возрождение армии для продолжения войны с Германией. Заточение его продолжалось недолго, после Октябрьского переворота генерал Духонин, заместивший на посту главнокомандующего скрывшегося от большевиков Керенского, приказал освободить быховских узников. В конце ноября Корнилов во главе верных текинцев отправляется на Дон, где уже зарождалось Белое движение.

Вместе с генералами Алексеевым и Калединым он вошел в состав так называемого триумvirата основателей Белого дела. Правда, довольно быстро в этом триумvirате начались разногласия. Причиной вновь стала неумная амбициозность Корнилова и его тяга к единоличной власти. Тем временем Красная армия росла количественно и качественно и уже показала себя в боях за Ростов, Новочеркасск и Таганрог, тогда как и без того малочисленная Добровольческая армия таяла на глазах. Со всей остротой встал вопрос о самом существовании Белого движения на юге России. На совещании руководителей движения было решено пробиваться на Кубань, к Екатеринодару, где, по докладам разведки, все еще продолжалась борьба между сторонниками Советской власти и казаками краевого правительства. 9 февраля 1918 г. Добровольческая армия выступила из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Уже позднее некоторые из участников этого 250-километрового марша отмечали, что главной причиной страданий были не тяжелые дороги, страшная

грязь, морозы и жестокие бои с красными, а осознание того, что на своей земле они чувствовали себя чужими. Местное население нередко проявляло открытую враждебность, отказывалось давать приют и продовольствие. Страсти подогревал и сам Корнилов, приказавший пленных не брать: «Чем больше террора, тем больше победы». Авторитет генерала среди добровольцев поднялся на небывалую высоту. «Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление», — писал «рядовой» офицер Р. Б. Гуль.

14 марта стало известно о захвате частями Красной армии Екатеринодара. Отряды белых под командованием Покровского, Лисовицкого и казаки Филимонова, оказавшись под угрозой окружения, вынуждены были отступить и позднее влились в состав Добровольческой армии. Штаб Корнилова разработал довольно смелый и грамотный план взятия столицы Кубанской области с захватом складов с боеприпасами в станице Елисаветинской, разгромом красных южнее города и осуществлением переправы через реку Кубань. 28 марта добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара, на следующий день были захвачены предместья. Утром 31 марта Корнилов отдал приказ о решающем штурме города. Несмотря на крайне опасное положение добровольцев, их командующий пребывал в отличном настроении и пил чай у себя в штабе. В этот момент раздался сильный взрыв. Снаряд прямым попаданием разнес в щепки ветхое строение. Генерал был отброшен взрывной волной и придавлен обломками стола и кровати. Его, находящегося без сознания, вытащили из развалин, через час Лавр Георгиевич скончался. Скрыть смерть командующего не удалось, дух атакующих город добровольцев был сломлен. Деникин, взявший на себя командование армией, вечером того же дня отдал приказ об отходе от Екатеринодара. Корнилов был тайно похоронен на территории немецкой колонии Гначбау, в 50 километрах от города. Большевикам все же удалось найти могилу генерала. Бойцы из отрядов Сорокина и Золота-

рева отвезли труп в Екатеринодар, где попытались его повесить, однако веревка оборвалась. Несколько часов тело Корнилова валялось на площади и подвергалось надругательствам пьяной толпы. Затем останки генерала отвезли на городские бойни, где обложили соломой и сожгли, развеяв пепел по ветру.

АВТОНОМОВ

Александр Исидорович Автономов родился в 1890 г. в известной на Дону казачьей семье. Осенью 1914 г. он был призван в армию и как выпускник гимназии направлен на офицерские курсы, по окончании которых получил звание подхорунжего. На фронтах Первой мировой войны Автономов сражался в рядах 39-го и 28-го казачьих полков. Один из его тогдашних знакомых следующим образом описывал внешность будущего красного военачальника. «Небольшой, худенький, щуплый, в форме донского офицера, в золотых очках, в частной беседе он больше напоминал собою “шпака”, чем военного. Казаки-донцы 39-го полка любили своего “подслеповатого”, как говорили они, хорунжего».

Несмотря на свою «штатскую» внешность, Александр Исидорович имел вполне достойную боевую репутацию и к февралю 1917 г. дослужился до звания сотника. Свержение самодержавия он, как и большинство военных, воспринял с энтузиазмом. Последующие события (падение дисциплины в армии, рост дезертирства, создание солдатских комитетов, отмена знаков различия и чинопочтения) толкнули многих офицеров в стан контрреволюции, однако к Автономову это не относилось. На всех митингах он громко требовал «углубления демократизации армии» и вскоре превратился в одного из любимцев солдатской массы. Высшее начальство пыталось избавиться от беспокойного подчиненного и под надуманными предлогами посылало его в тыловые командировки, однако, к огорчению генералов, вместо того чтобы дезертировать, Александр Исидорович всякий раз возвращался обратно.

Осенью 1917 г. популярный офицер был выбран на собравшийся в Киеве казачий съезд. Здесь вместе с войсковым старшиной Н. М. Голубовым Автономов возглавил пробольшевистски настроенных делегатов. Им противостояли контрреволюционеры из числа сторонников донского атамана Каледина. После бурных дискуссий съезд так и не принял каких-либо четких резолюций и в конце концов был выдворен из Киева украинскими националистами.

Делегаты перебрались в донскую столицу Новочеркасск. Город находился под контролем калединцев, а их оппоненты довольно быстро переместились со съездовской трибуны в тюрьму. Гражданская война еще только разгоралась, разгул красного и белого терроров был впереди, а потому обе стороны при случае позволяли себе играть в «законность» и «гуманизм». По требованию «казачьих низов», Автономов был выпущен на свободу, после чего (видимо, догадываясь, что игры в «гуманность» скоро закончатся) поспешил бежать из Новочеркасска.

На Дон, между тем, со всех сторон надвигались отряды Красной гвардии. Добравшись до Миллерово, Александр Исидорович встретился с вождем этого воинства — «чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией на Юге России» Антоновым-Овсеенко. Видный большевик довольно быстро оценил таланты прибывшего к нему казачьего офицера. Уже после месяца совместной работы он выдал Автономову значительную сумму денег и специальный мандат с правом самостоятельно формировать части Красной гвардии на Кубани. Прибыв на Тихорецкую, Александр Исидорович наложил руку на здешние оружейные склады и сколотил вокруг себя небольшой, но относительно дисциплинированный отряд из местных рабочих-железнодорожников.

Имевшиеся у Автономова деньги и оружие привлекали к нему все новых добровольцев, и вскоре в распоряжении большевистского военачальника имелось уже около 3—4 тыс. хорошо вооруженного войска с артиллерией и бомбометами. По соседству действовали другие красные

части (Сорокина, Золотарева и др.), однако отряд Автономова был самым крупным.

На тот момент главным противником северокавказских и кубанских большевиков была засевшая в Екатеринодаре Кубанская Казачья Рада. 4 марта после упорных боев красные овладели городом. На радостях бойцы занялись грабежами и физическим уничтожением местной буржуазии

Вскоре было объявлено о создании Кубано-Черноморской Советской республики. Пережидая, пока подчиненные насытятся «экспроприациями», их командиры занялись распределением постов в военной иерархии нового «государства». Судя по всему, при этом они исходили из степени влиятельности того или иного полевого командира; в результате Автономов стал главнокомандующим, Сорокин — его заместителем, а Золотарев занял третью по значению военную должность — коменданта Екатеринодара.

Однако радость победы оказалась недолгой. На подступах к Екатеринодару появилась пришедшая с Дона Добровольческая армия генерала Корнилова. Объединившись с войсками Казачьей Рады, белые двинулись на штурм кубанской столицы.

Битва за Екатеринодар стала первым крупным полемым сражением Гражданской войны. Даже советские историки отмечали, что корниловцы в этом бою проявили огромное мужество и воинское мастерство. Более того, те же историки признавали, что силы красных едва ли не в 10 раз превосходили силы противника. Однако следует учитывать и другие факторы. Со стороны белых здесь действовали отборные части, состоявшие главным образом из кадровых офицеров. Со стороны красных — недисциплинированные и плохо управляемые толпы, весьма мало склонные считаться с авторитетом собственных начальников. Для того, чтобы повести в бой подобную орду и, более того, одержать с ней победу, требовалось быть человеком незаурядных дарований. Главком Автономов с этой задачей справился...

29 марта начавшаяся днем раньше битва за Екатеринодар достигла наибольшего ожесточения: отборный корниловский полк полковника Неженцева рвался к центру города — Сенному базару. Впоследствии сам Автономов признавал, что в этот момент для отражения противника ему пришлось «вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей». Напор белых ослаб после того, как одна из пуль сразила полковника Неженцева. Бой вновь переместился на окраины, и Автономов на какое-то время упустил из-под контроля ситуацию у Сенного базара. Эта ошибка едва не стала роковой для красных.

Сменивший Неженцева генерал Казанович прорвался в центр города, захватив скопившиеся там подводы с продовольствием. Однако из-за общей неразберихи другие белые части вовремя не поддержали его. Под покровом темноты отряд Казановича смешался с красногвардейцами и благополучно отступил к своим.

30 марта белые вновь двинулись на приступ, но понесенные накануне потери оказались столь значительными, что к середине дня бой затих. Решающий штурм, назначенный на 31 марта, был отменен из-за гибели Корнилова. Потрепанная и лишившаяся вождя Добровольческая армия начала обратный марш с Кубани на Дон...

Под Екатеринодаром Красная армия, хотя и ценой огромных жертв (около 5 тыс. одних убитых), добилась первого значительного военного успеха. Советская республика нуждалась в героях, и не удивительно, что «главный виновник» этой победы тут же оказался на гребне популярности. Ленинский Совнарком утвердил его в должности главкома Кубано-Черноморской республики. В короткое время Александр Исидорович обзавелся всем необходимым антуражем «большого начальника» — персональным бронепоездом, роскошными автомобилями, толпой адъютантов и миловидных «секретарш». Вся эта орава «прихлебателей» славилась его как «нового Наполеона». Следует отметить, что многие белогвардейцы также сравнивали Корнилова с Бонапартом, но если для Кор-

нилова Екатеринодар стал своеобразным Ватерлоо, то для Автономова этот же город мог стать новым Маренго — первой ступенью к власти военного диктатора. Тем не менее этого не произошло.

В отличие от Наполеона (да и от Корнилова), безудержное честолюбие не было ему присуще. Да и «светлые идеалы революции» вовсе не казались Александру Исидоровичу пустым миражом. В расплату за подобный идеализм красному главкому также пришлось пройти через свое Ватерлоо, правда не военное, а политическое...

В апреле 1918 г. Кубано-Черноморская республика оказалась в полукольце врагов: с севера и запада (от Ростова-на-Дону, Тамани и Грузии) угрожали немцы, с северо-востока — Добровольческая армия Деникина. Одновременно под влиянием политики расказачивания в кубанских станицах начались антибольшевистские восстания. Пытаясь привлечь на свою сторону казаков и бывших офицеров, Автономов предложил сформировать новую Красную армию для борьбы с немцами. Возглавить ее должен был один из популярных боевых генералов. В качестве возможных кандидатов назывались находившиеся на отдыхе в Пятигорске генералы Рузский и Радко-Дмитриев. В ходе личной встречи с Автономовым оба они дали ответ: «Воевать с немцами будем, командование в любое время примем, при условии, что в армии будет дисциплина. Воевать же с Добровольческой армией не будем, ибо не мыслим себе войны русских с русскими».

Последний пункт выглядел невыполнимым, поскольку Добровольческая армия явно не желала мириться с большевиками. Лучшего оставляли желать и вопросы дисциплины. Пытаясь пресечь грабежи, Автономов расстрелял кое-кого из своих подчиненных (в том числе коменданта Екатеринодара Золотарева). Как следствие, в его адрес все чаще стали звучать обвинения в «бонапартистских замашках» и даже «контрреволюционности». Пытаясь ограничить власть командующего, местные партийные деятели создали Чрезвычайный штаб обороны. Новый орган постоянно тормозил, а то и отменял распоряжения Автономова,

нарушая основополагающий для любой армии принцип единоначалия. Более того, все действия членов штаба объяснялись не столько соображениями целесообразности, сколько желанием укротить «зарвавшегося мальчишку». В сражавшихся на фронте частях это прекрасно понимали и в большинстве случаев поддерживали главкома. Более того, съезд делегатов Северокавказской Красной армии выдвинул резолюцию: «Централизовать все вооруженные силы Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа в лице главнокомандующего товарища Автономова, которому поручается создать аппарат военного управления, снабжения и снаряжения войск. Категорически потребовать от высшей центральной власти Российской Федеративной республики устранения вмешательства гражданских властей. ЦИК упразднить всякие Чрезвычайные штабы, тормозящие оборону Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа».

На противников главкома эта резолюция не произвела никакого впечатления. Тогда в качестве профилактической меры Александр Исидорович приказал арестовать сначала членов штаба, а затем и вступившихся за них членов ЦИК Кубано-Черноморской республики. Через несколько часов все арестованные были освобождены, но в Москву уже летел поток жалоб, в которых он представлялся человеком, противостоящим «линии партии». Тогда же вспомнили о контактах Автономова с Рузским и Радко-Дмитриевым, что позволило представить его «скрытым белогвардейцем».

28 мая 1918 г. в Екатеринодаре состоялся III Чрезвычайный съезд Советов Кубано-Черноморской республики, посвященный вопросу об «автономовщине». В разгар заседания из Совнаркома пришла телеграмма, сообщавшая о снятии Александра Исидоровича с поста главкома и отзыве его в Москву (с последующим преданием суду). Поднявшись на трибуну Автономов отказался от речи в свою защиту и с горьким сарказмом произнес: «Кланяюсь тем, с которыми вместе сражался за ту свободу, за которую

они дали мне имя «контрреволюционера». Зал на короткое время стих, а затем ответил возмущенным улюлюканьем...

В Москве Александр Исидорович был взят под опеку Серго Орджоникидзе. По его ходатайству Автономова реабилитировали и направили во Владикавказ. Командуя бронепоездом, бывший кубанский главком вновь сражался с белыми и создавал отряды «Красной армии горских народов». В начале 1919 г. Гражданская война вышла на очередной (решающий) виток, и, вполне вероятно, судьба готовила для него новый взлет. Однако взлета не произошло.

2 февраля 1919 г. Александр Исидорович Автономов скончался от тифа в горах Кавказа.

Любая Гражданская война означает хаос. В моменты, когда этот хаос достигает предела, на повестку дня встает вопрос о военной диктатуре. Гражданская война во Франции породила Наполеона. Гражданская война в России выдвинула целую плеяду «несостоявшихся бонапартов» (как со стороны белых, так и со стороны красных). Корнилов и Автономов из их числа.

История весьма своеобразно распорядилась с посмертной славой двух военачальников. Честолюбец Корнилов вошел в летописи «как бескорыстный и самоотверженный рыцарь Белого дела». Проиграв все свои крупные сражения, он остался для потомков крупным и даже выдающимся полководцем.

Имя Автономова менее известно, причем большинство историков склонны оценивать его только как неудачливого авантюриста. Между тем подобный взгляд трудно признать справедливым. В условиях Гражданской войны Автономов проявил незаурядный военный талант, сумев нанести поражение отборным войскам противника. Более того, в момент, когда война «русских против русских» все больше набирала обороты, кубанский главком оказался одним из немногих, кто попытался сделать хоть какие-то шаги к объединению соотечественников против общего врага — Гер-

мании. В своей политической игре Автономов оказался не столько честолюбцем, сколько романтиком-идеалистом, и в конечном счете это и привело его к падению. Правда, в конце жизни военная карьера Автономова вновь пошла в гору, но ненадолго... Возможность стать Бонапартом никогда не повторяется дважды.